

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 24.2.411.05,
СОЗДАННОГО НА БАЗЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ОБРАЗОВАНИЯ «ТВЕРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
МИНИСТЕРСТВА НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 15.05.2023 № 14

О присуждении Шипулину Алексею Григорьевичу, гражданину Российской Федерации, ученой степени кандидата филологических наук.

Диссертация «Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов» по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) принята к защите 13 марта 2023 г., протокол № 9, диссертационным советом 24.2.411.05, созданным на базе ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33, работающим согласно приказу № 114/нк от 06.02.2023.

Соискатель Шипулин Алексей Григорьевич, 1975 года рождения, в 1997 году окончил «Брянский государственный педагогический университет имени академика И.Г. Петровского» по специальности «Филология» с присвоением квалификации «учитель немецкого и английского языков».

В период подготовки диссертации с 2018 года по 2022 год соискатель учёной степени кандидата наук Шипулин А.Г. являлся аспирантом заочной формы обучения по направлению подготовки 45.06.01 – Языкознание и литературоведение (Теория языка) ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», г. Брянск. Одновременно Шипулин А.Г. работал в ФГБОУ ВО «Брянский государственный

университет имени академика И.Г. Петровского» в должности ассистента кафедры иностранных языков.

Справка об обучении в аспирантуре № 18, регистрационный номер 02/01-18/18, выдана 14.03.2022 г. ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Диссертация на тему «Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов» выполнена на кафедре теории английского языка и переводоведения факультета иностранных языков Института русской и романо-германской филологии ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Научный руководитель – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории английского языка и переводоведения ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского» Чугунова Светлана Александровна (специальность защищенной диссертации: 10.02.19 – теория языка).

Официальные оппоненты:

Вашунина Ирина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германских языков ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (специальность защищенной диссертации: 10.02.19 – теория языка);

Яковлев Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (специальность защищенной диссертации: 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

дали положительные отзывы о диссертации.

Ведущая организация – ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» – в своем

положительном отзыве, подготовленном кандидатом филологических наук, профессором кафедры теории и практики английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» Ольгой Владимировной Петровой, обсуждён и утверждён на заседании кафедры теории и практики английского языка и перевода ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» 31 марта 2023 г. (протокол № 5), и утверждён ректором ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» доктором филологических наук, профессором Ж.В. Никоновой 3 апреля 2023 года, указала, что диссертационное исследование посвящено выявлению универсальных и специфических закономерностей влияния мысленных, или вторичных, образов, формируемых при восприятии и интерпретации художественного текста, на результаты переводческой деятельности индивида с фокусированием внимания на индивидуальных особенностях мысленных образов, при этом автор предлагает собственную модель принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных склонностей к построению мысленных (вторичных) образов той или иной природы.

В отзыве указано, что диссертация А.Г. Шипулина отвечает всем необходимым требованиям и соответствует критериям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Основное содержание диссертации А.Г. Шипулина отражено с достаточной полнотой в 13 статьях (общим объемом 5,12 п. л.), в число которых входят 3 публикации в рецензируемых изданиях, рекомендованных

ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ (общим объемом 1,32 п. л.).

К числу наиболее значимых работ по теме диссертации относятся следующие:

1. Шипулин А.Г. Обработка вербальной информации и ментальное моделирование в процессе перевода // Языковое бытие человека и этноса: сборник научных трудов по материалам XVII Березинских чтений (Москва, 24-25 декабря 2020 г.) / под ред. В.А. Пищальниковой, Л.Р. Комаловой, К.С. Кардановой-Бирюковой, Н.С. Панариной. – Москва: ИНИОН РАН, 2020. – Вып. 22: Материалы XVII Березинских чтений. – С. 167-173.
2. Шипулин А.Г. Ментальное моделирование и вторичные образы в процессе художественного перевода // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. – 2020. – № 25-2. – С. 52-54.
3. Шипулин А.Г. Влияние индивидуальных особенностей использования мысленных образов на переводческие решения при переводе художественного текста (на материале эксперимента) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 14. – № 7. – С. 2236-2240.
4. Шипулин А.Г. Тенденции и перспективы исследования ментальных образов в переводческом процессе // Языковой дискурс в социальной практике: Материалы Международной научно-практической конференции, Тверь, 02–03 апреля 2021 года. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 208-212.
5. Шипулин А.Г. Эмпирическое исследование роли мысленных образов при переводе художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 2(69). – С. 254-259.
6. Шипулин А.Г. Эмпирическое исследование влияния предметных и пространственных вторичных образов на результаты перевода художественного текста // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2021. – № 4(71). – С. 266-273.

Недостовверные сведения об опубликованных соискателем ученой степени работах в диссертации отсутствуют.

На диссертацию поступили следующие отзывы.

Отзыв ведущей организации – ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова». Отзыв положительный, вопросы касаются следующего.

1. Так, автор утверждает, что «многие переводчики и переводоведы рассматривают построение образов как средство, помогающее начинающим переводчикам избежать нежелательной интерференции. При таком подходе конструирование образов становится учебным упражнением» (с. 52). По сути, о том же автор пишет и на стр. 60 (то есть о склонности испытуемых к буквальному переводу). Действительно ли автор считает, что интерференция и буквальный перевод характерны для деятельности только начинающих переводчиков? Не является ли первый (не окончательный) вариант перевода всегда буквалистским, то есть, основанным на использовании межъязыковых соответствий? И если конструирование образов – это учебное упражнение, то можно ли этому вообще научить? При том, что, по нашему мнению, понимание звучащего или написанного текста в принципе невозможно без создания мысленного образа представленной в тексте ситуации.

2. Автор предполагает, что «использование мысленных, или вторичных по отношению к непосредственному восприятию действительности, ментальных образов имеет наибольшее значение именно при письменном переводе, который не столь жёстко ограничен временными рамками, как устный» (с. 58). Действительно ли при осуществлении устного перевода переводчик может обойтись без использования ментальных образов? Что же он тогда воссоздает? Нуждается в пояснении и вопрос о связи использования мысленных образов с временными ограничениями в переводе.

3. На стр. 69 А.Г. Шипулин приводит данные первого этапа эксперимента, свидетельствующие о том, что студенты Брянского

государственного университета показали более низкие оценки пространственного воображения, чем население в целом и даже гуманитарии, взятые отдельно. Есть ли у автора объяснение этому факту?

4. Вопрос общего характера вызывает следующее утверждение автора: «Наличие трудностей понимания, связанных с малочастотными словами, должны, на наш взгляд, стимулировать обращение переводчиков к мысленному образу ситуации как основе для адекватной интерпретации текста в целом» (с. 78). Означает ли это, что читатель сначала должен обратиться к мысленному образу ситуации, чтобы понять, в каком значении использовано данное слово, или же он должен сначала понять, в каком значении использовано слово, чтобы создать мысленный образ ситуации? Как в данном случае соотносятся анализ и синтез?

5. Возможно ли, что когнитивная обработка информации при помощи мысленных образов по-разному осуществляется разными субъектами, воспринимающими текст? Этот вопрос вызван следующим утверждением: «...несогласованность ряда формальных межъязыковых соответствий с интегративным образом действительности, описываемой в тексте, с большей вероятностью отмечается теми переводчиками, которые проявляют сравнительно высокую предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи мысленных, т.е. вторичных образов» (с.82). И если все же существует предрасположенность к когнитивной обработке информации при помощи вторичных образов, то от чего зависит степень ее развитости?

6. Определение условно адекватных трансформаций как соответствующих логике переводного текста, но не смыслу оригинала (с. 83) представляется несколько туманным. Если трансформации не соответствуют смыслу оригинала, другими словами, если смысл перевода отличается от смысла оригинала, то что же здесь может быть адекватным? Или автор допускает подобные различия в смыслах двух текстов?

7. Требуется пояснение представления автора о роли прошлого опыта в создании вторичных образов. Он утверждает, что «практический опыт индивида перерабатывается в новые комбинации и формы, позволяя как создание творческих произведений, так и просто иной взгляд на вещи» (с. 100). Но это утверждение противоречит тому, что было сказано на предыдущей странице: «при восприятии текста способность к формированию мысленного образа каких-либо конкретных предметов из прошлого опыта в их целостности со всеми специфическими характеристиками, очевидно, не требуется» (с. 99).

Также в отзыве содержатся ряд замечаний и критических соображений.

1. Автор вполне справедливо отмечает, что перевод художественных текстов занимает особое место, поскольку их «эстетическая наполненность и специфика индивидуального стиля... может ставить перед переводчиком очень нетривиальные задачи» (с. 59). К сожалению, «эстетическая наполненность» художественного текста не становится предметом обсуждения в представленном исследовании. При проведении эксперимента автор ограничивается разбиением текста на отдельные фразы и словосочетания, либо анализирует способы передачи значений отдельных слов, при этом текст как таковой неизбежно перестает быть целостным образованием, которое, собственно, и должно восприниматься в качестве единицы перевода. И если уж судить об адекватности перевода, то следовало бы подняться именно на уровень текста и оценивать с этой точки зрения предложенные варианты (не отдельных фраз, а текста как такового!). Более того, было бы целесообразным в этом случае вообще отказаться от использования понятия «адекватный перевод», а использовать более точное (с точки зрения традиционной лингвистической теории перевода и даже современного переводоведения) понятие «эквивалентный перевод», вполне применимое к переводу отдельных фрагментов текста.

2. Представляется терминологически некорректным использование автором сочетания «выбор адекватных ситуации значений слов», когда речь

на самом деле должна идти об уяснении читателем текста, в каком именно значении автор использовал данное многозначное слово. Ведь автор-то использовал его в каком-то одном конкретном значении, и уж если он написал switch, имея в виду «прутик», то и читатель должен понять, что речь идет о прутике. Так что говорить о некоем «выборе» значения не представляется возможным. У читателя/переводчика нет выбора.

3. При рассмотрении параметров текста, наиболее важных с точки зрения его понимания и перевода, автор проведенного исследования использует данные, полученные при помощи программного продукта Coh-Metrix, и, в частности, делает вывод, что параметры текста, использованного в рамках эксперимента, «близки к таковым для текстов средней старшей школы» (с. 77), другими словами, это текст примерно такой же сложности. И на стр. 79-80 автор пишет, что «средняя оценка по тексту (439,105) соответствует текстам по курсу английского языка и литературы (language arts) в американской школе». При этом не учитывается тот факт, что данные, полученные при помощи Coh-Metrix, позволяют судить о сложности текста с точки зрения американских школьников, но никак не с точки зрения российских студентов, для которых английский язык является все же иностранным. Это обстоятельство заставляет сомневаться в абсолютной обоснованности выводов автора о степени понятности предложенного испытуемым, то есть российским студентам, текста.

4. К сожалению, в своих размышлениях, касающихся собственно переводческих аспектов, автор опирается на положения традиционной, то есть сугубо лингвистической теории перевода, не учитывая некоторые новые тенденции в переводоведении. Так, ссылаясь на Л.С. Бархударова, В.Н. Комиссарова, Р.К. Миньяр-Белоручева, Я.И. Рецкера, автор пишет о переводческих трансформациях, таких как конкретизация, генерализация, антонимический перевод, компенсация, добавления, опущения, полные и частичные грамматические трансформации, смысловое развитие и другие (с. 61). Описание переводческого процесса и его результатов в терминах

трансформаций был вполне закономерным явлением на начальном этапе развития науки о переводе. Обращаясь к положениям основоположников лингвистического переводоведения, мы, тем не менее, должны учитывать, что переводческие трансформации, как правило, обусловлены не столько осознанным решением переводчика, который обычно про них и не помнит, осуществляя перевод, сколько различиями в лексических и синтаксических структурах двух языков и в конвенциях построения текста на том или ином языке. Другими словами, чаще всего так называемые «трансформации» просто неизбежны, и у хорошо обученного переводчика просто нет выбора, когда он решает (вспоминает?), как данная ситуация обычно описывается на переводящем языке.

5. Сомнение вызывает принципиальная возможность (если таковая существует) использования студенческих переводов для выяснения закономерностей переводческого процесса как такового и, в частности, использования вторичных образом в процессе перевода. Испытуемые, никогда не обучавшиеся художественному переводу и находящиеся на начальном этапе овладения переводческой профессией, заведомо неспособны предложить переводы, основанные на использовании действительных закономерностей переводческой деятельности. И, прежде всего, они не способны к визуализации действительности, представленной в тексте, а ведь именно воспитание в них стремления визуализировать эту действительность, создать в своем сознании образ описанной ситуации и является одной из задач подготовки переводчиков. И решается эта задача очень непросто и небыстро.

6. Замечание частного характера: автор утверждает, что вариант перевода *коттедж* для английского *cottage* «нельзя однозначно признать ошибочным вариантом». Представляется, что этот вариант именно ошибочный уже потому, что он не соответствует образу, представленному автором текста.

7. Ознакомление с текстом диссертации несколько затрудняется из-за наличия в нем пунктуационных ошибок и случаев несогласования слов.

Отзыв официального оппонента доктора филологических наук, доцента Вашуниной Ирины Владимировны. Отзыв положительный, прозвучали следующие вопросы и замечания.

Вопросы по диссертационной работе.

1. Автор оперирует терминами «ментальная репрезентация», «концептуальная репрезентация», «когнитивная репрезентация». Как соотносятся их значения? Из текста работы это непонятно. При использовании терминологии следует четко пояснять ее значение.

2. Вопрос о названии трансформаций: автор использует термины «нетривиальная», «нетипичная» применительно к одним и тем же трансформациям. Откуда взялись эти термины? Если рассматриваемые трансформации (конкретизация, генерализация, антонимический перевод, компенсация, добавления, опущения, полные и частичные грамматические трансформации, смысловое развитие) являются нетривиальными (как утверждает автор на с. 61), то значит, есть и тривиальные трансформации. Что к ним относится?

3. Следующий вопрос касается модальности ментальных репрезентаций, довольно сложный и спорный вопрос. Автор на с. 62 пишет: «Поскольку ментальные репрезентации обладают определённой модальностью и являются изоморфными перцептивной информации, как указывалось в первой главе [Barsalou 2008; Johnson-Laird 1983; Paivio 1990], вторичные образы *могут иметь и имеют* те же модальности, что и перцепция, минимальный список которых включает пять модальностей, соответствующих органам чувств, а также кинестетическую и висцеральную (восприятие деятельности внутренних органов) [Бандурка 2005]».

Вопрос: могут иметь или имеют? Вряд ли верным является утверждение, что ментальные репрезентации всегда имеют все те же

модальности, что перцепция (легко проверить путем рефлексии, например, образ ситуации праздника часто лишен ощущения духоты). Этот вопрос довольно принципиальный для настоящего исследования, потому что оно строится на использовании при переводе ментальных репрезентаций переводчика в качестве источника для поиска языкового соответствия.

4. Как видно из данных в таблице на с. 85, группа испытуемых, предложивших дословный перевод, по всем параметрам (предметное воображение, пространственное воображение, вербальные способности) проигрывает группе испытуемых, предложивших перевод со смысловыми трансформациями. Не говорит ли это о том, что у них просто когнитивный уровень ниже? Очевидно, что смысловая трансформация – более сложное действие.

Также оппонентом были высказаны следующие замечания.

По теоретической части работы.

1. Практически отсутствует обращение автора к исследованиям по теории перевода. Следовало бы обобщить имеющиеся труды по проблеме этапности переводческой деятельности и далее опираться на эти данные. Из-за этого упущения разрушена классическая триада «автор – переводчик – адресат» и описание деятельности переводчика выглядит несколько хаотичным.

Далее замечания по практическому исследованию

2. В Главе 2 приводится подробный анализ экспериментального материала (текста), сделанный с помощью программного продукта *Con-Matrix*. Объем этого параграфа представляется излишним (занимает практически одну десятую часть работы), тем более что далее, в практическом исследовании, автор не обращается к полученным в этом пункте результатам.

3. С другой стороны, не хватает предпереводческого анализа текста, который должен был быть проведен в таком исследовании. Именно предпереводческого, а не просто лингвистического. Результатом такого

анализа в самом общем виде должно быть выявление фрагментов, не подлежащих дословному переводу, причем с определением степени непереводимости (например, совершенно невозможен дословный перевод – дословный перевод возможен, но нарушает стилистические нормы – дословный перевод возможен, не нарушает стиль, но узурпан не дословный и т.п.). Тогда можно было бы привести общую статистику переводческих решений.

И в связи с этим возникает вопрос, почему автор предпочел общелингвистический формализованный анализ текста предпереводческому анализу.

4. Технические замечания: опечатки на сс. 22, 26, 29, 37 и т.д.)

Отзыв официального оппонента кандидата филологических наук Яковлева Андрея Александровича. Отзыв положительный, прозвучали следующие вопросы и замечания.

1. В качестве одной из теоретических основ исследования автор диссертации принимает концепцию встречного моделирования содержания текста (А.А.Залевская). Как это соотносится с такими понятиями, как (модель потребного будущего (Н.А.Бернштейн) и (упреждающий синтез) (Н.А.Жинкин и А.А. Зимняя)? Оно их дополняет или просто дублирует, являясь синонимом?

2. На с. 87-88 диссертации изложены 4 типа трансформаций, которые были выделены в каждом переводе. На основе каких факторов или какой классификации трансформаций выделены эти 4 типа?

3. На с. 98 диссертации сказано: (...соотношение и распределение оценок предметного воображения для групп ии, использовавших варианты *Дилли, дилли, дилли, дилли!*, *Ути-ути-ути-ути!* и другие, аналогично соотношению между оценками групп, использовавших буквализмы, адекватные и условно адекватные варианты при передаче фрагмента a long, struggling place и других подобных случаях. Означают ли эти и другие отношения между переводами и способностью к предметному воображению,

что эта самая способность является лишь частью некоторой системы индивидуальных особенностей переводчиков, которая (система) и позволяет им выбирать те, а не другие варианты перевода? Проще говоря, можно ли с достоверностью утверждать, что на перевод влияет именно способность к предметному воображению, а не какое-то более обширное психическое явление, частью которого такая способность является?

На автореферат поступили 3 отзыва: доктора филологических наук, доцента, заведующей кафедрой языкознания и переводоведения института иностранных языков Московского городского педагогического университета Ксении Суфьяновны Кардановой-Бирюковой, доктора филологических наук, профессора, профессора кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета Натальи Михайловны Нестеровой и доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой английской филологии Южного федерального университета Сергея Георгиевича Николаева.

Ксения Суфьяновна Карданова-Бирюкова в своем отзыве задает три вопроса:

1. В автореферате диссертации представлены самые общие тезисы о форматах ментальной репрезентации и о принципах построения ментальных образов. Какие именно подходы были рассмотрены автором в полном тексте работы? Что определило выбор в пользу подхода, закладываемого Тверской психолингвистической школой?

2. Можно ли считать переводы, выполненных обучающимися в искусственных условиях, профессиональными? Были ли проведены тесты на проверку степени сформированности переводческих компетенций, ведь вряд ли все студенты поголовно способны к выполнению высококачественного перевода художественного текста?

3. Как автор уходил от субъективизма в процессе выполнения качественного анализа переводческих решений? Художественный перевод допускает значительную вариативность, поэтому, как представляется,

требуется тщательно продуманный перечень критериев, позволяющих классифицировать переводческие решения как адекватные, неадекватные или условно адекватные.

В отзыве Натальи Михайловны Нестеровой содержится следующее замечание и вопрос:

1. Достоинством работы является качественная статистическая обработка данных, полученных в результате проведенного эксперимента, представленная различными типами диаграмм, в которых нашли отражение такие показатели как предметное и пространственное воображение испытуемых, повлиявшие на выбор и использование переводческих трансформаций и, в конечном итоге, на текст перевода, его адекватность и/или неадекватность. В связи с этим возникает вопрос о понимании автором диссертации адекватности как одного из ключевых (но имеющего разные толкования в переводоведении) терминов и, соответственно, о критерии адекватности, на основе которого оценивался перевод. Предполагаю, что ответ на этот вопрос содержится в тексте диссертации, но не нашел отражения в автореферате.

Сергей Георгиевич Николаев задает следующие вопросы:

1. Поскольку анализу подвергаются результаты перевода, выполненные студентами, причем даже не на занятиях в рамках курса перевода, а при анкетировании, то какова правомерность распространения выявленных закономерностей на процесс перевода вообще и на художественный перевод как профессиональную творческую деятельность в частности?

2. В этой же связи: дают ли авторские выводы основания для рекомендаций: а) профессиональным переводчикам; б) преподавателям курса перевода на филологических отделениях университетов; в) литераторам, более или менее регулярно обращающимся к практике автоперевода; г) переводчикам-любителям?

Все отзывы положительные. В них отмечается актуальность, новизна исследования, теоретическая и практическая значимость, достоверность и верифицируемость результатов и основательность сделанных выводов.

В отзывах на диссертацию и автореферат сделан вывод о том, что автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их широкой известностью своими достижениями в данной отрасли науки, наличием публикаций в соответствующей сфере исследования и способностью определить научную и практическую ценность диссертации.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

- уточнены теоретико-методологические основания исследования вторичных (мысленных) образов у переводчика в процессе работы над текстом;
- рассмотрены и сопоставлены взгляды отечественных и зарубежных ученых на проблему взаимодействия вербального и образного компонентов когнитивной системы в познании и в процессе перевода;
- дан критический анализ существующих методов определения индивидуальных профилей обработки информации человеком;
- на основе экспериментальных данных уточнена специфика влияния ассоциативно-образных и языковых способностей человека на перевод художественного текста;
- представлена психолингвистическая модель процесса принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных склонностей к построению вторичных образов той или иной природы.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что:

- внесен вклад в разработку проблемы соотношения вербального и образного компонентов когнитивной системы человека при восприятии и переводе художественных текстов;
- показано различное влияние предметных и пространственных образов на перевод художественного текста;
- выявлена зависимость создаваемого переводного текста от типа вторичных образов, преимущественно используемых конкретным переводчиком при решении когнитивных задач;
- результаты проведённого исследования вносят вклад в разработку психолингвистической теории перевода через конкретизацию связи перевода художественного текста с феноменом вторичного образа.

Значение полученных соискателем результатов исследования для практики подтверждается тем, что:

- определены перспективы использования результатов исследования в преподавании курсов психолингвистики и теории перевода;
- выводы и материалы исследования могут быть полезны в дальнейших исследованиях процесса перевода с психолингвистических позиций, а также для уточнения некоторых положений дидактики перевода, касающихся организации преподавания художественного перевода.

Оценка достоверности результатов исследования выявила, что сформулированные в диссертации научные положения и выводы обеспечиваются адекватной теоретической базой исследования, которая включает труды ведущих российских и зарубежных ученых в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, переводоведения и когнитивной психологии. Работа характеризуется методологической обоснованностью теоретических позиций, целостным и комплексным теоретическим подходом к проблеме исследования, репрезентативным по объему и по содержанию эмпирическим материалом (4050 ответов испытуемых в анкете-опроснике и 90 переводов художественного текста),

применением для обработки полученных данных комплекса общенаучных, психолингвистических и статистических методов.

Личный вклад соискателя состоит в:

- применении комплексного междисциплинарного подхода к рассмотрению вторичного образа как медиатора речемыслительных процессов в художественном переводе с опорой на результаты отечественных и иностранных исследований в области когнитивной науки, в первую очередь, концепцию двусистемного познания и теорию встречного моделирования;
- изучении влияния вторичных образов предметного и пространственно-схематического характера на перевод художественного текста; применении двухэтапного эмпирического исследования и анализе его результатов при помощи современных статистических методов;
- обосновании ведущей роли предметных образов (в особенности продуктивного воображения) для нахождения переводчиком адекватных решений при переводе художественного текста;
- разработке модели принятия переводческих решений в зависимости от индивидуальных когнитивных характеристик и склонностей к построению вторичных (мысленных) образов определённого типа.

По результатам исследования опубликовано 13 статей, три из них в изданиях, рекомендованных ВАК.

Диссертационный совет пришел к выводу о том, что диссертация Шипулина Алексея Григорьевича «Особенности построения вторичных образов при переводе художественных текстов» представляет собой научную квалификационную работу, в которой решена научная задача, имеющая важное значение для теории речевой деятельности и теории перевода.

Диссертация соответствует критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842.

На заседании 15.05.2023 г. диссертационный совет принял решение присудить Шипулину Алексею Григорьевичу ученую степень кандидата филологических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 12 человек, из них 5 докторов наук по профилю защищаемой диссертации (по специальности 5.9.8 Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика), участвовавших в заседании, из 15 человек, входящих в состав совета, дополнительно введены на разовую защиту 0 человек, проголосовали: за – 12, против – 0, недействительных бюллетеней – нет.

Председатель

диссертационного совета 24.2.41.05

В.А. Миловидов

Ученый секретарь

диссертационного совета 24.2.41.05

П.Е. Карташова

15 мая 2023 г.

